

Закон вечности

Автор:

Владимир Шорохов

Закон вечности

Владимир Леонидович Шорохов

Жить вечно... Об этом во все века мечтали предки инспектора по контролю за рождаемостью Хопкина. Однако же, когда люди наконец смогли научиться вечно жить, за это им пришлось заплатить очень многим. Стал ли мир с приходом вечной жизни серым и скучным?.. По мнению большинства вечных, безусловно, нет. Впрочем, и среди них находились те, кто, оглядываясь в далёкое прошлое, всё же лелеял мечты о собственных детях, что шло вразрез с законом «О приоритете выбора жизни». Инспектор Хопкин вот уже третий век вёл охоту за незаконнорожденными детьми. И, несмотря на то, что заветный баланс между смертностью и рождаемостью уже давно был достигнут, близкий Хопкину человек внезапно перешагнул запретную – роковую – черту. А вслед за этим...

Владимир Шорохов

Закон вечности

1. И больше не кричи

Другие книги автора (<https://www.litres.ru/author/vladimir-leonidovich-shorohov/?lfrom=201227127>)

Гора Джомолунгма. Именно на неё Адерин теперь так мечтала подняться. Она уже покорила Кала-Патхар. И, стоя на её вершине, увидела высочайшую гору на Земле...

Это раньше в горы шли одни смельчаки. А сейчас – стоило только купить билет и пройти месячные курсы по альпинизму – и ты вместе с караваном туристов запросто мог начать своё восхождение.

Адерин удивилась тому, что при восхождении на вершину встречались такие места, в которых, как говорили проводники, образовывались «пробки». Узкие проходы не позволяли одновременно подниматься и спускаться. Правило гласило: «Пропусти тех, кто идёт с высоты».

Вот и её группе, прижавшейся к стене, пришлось почти что целый час дожидаться того, пока мимо них спустится длинная вереница счастливых.

Все эти люди погибли. Все до единого. Никто не ожидал, что погода переменится столь резко...

Адерин ступила на вершину горы Джомолунгма. Она мечтала во весь голос закричать от счастья, что наконец её достигла, но в лёгких не хватило воздуха, и она, задыхаясь, отправилась в обратный путь. А потом...

Да, действительно. А что было потом?

А потом был сущий ад: холод, ветер, снег и кромешная тьма.

Адерин уже попрощалась с жизнью. И добрую сотню раз прокляла себя за то, что решила на это восхождение. И всё же она оказалась в списке тех самых везунчиков, которых дроны-спасатели успели эвакуировать.

А вот тех, других... Адерин видела только серебристые мешки, которые аккуратно погружали на гравитационные носилки...

– Милая, пора завтракать! – и женщина пощекотала белокурую девочку, а та, тихонько пропищав, в ответ зарылась под одеяло. – Через пять минут постель должна быть убрана!

Врачи так и не смогли спасти Адерин ноги, но в тот момент она была готова на всё – лишь бы только остаться в живых. Её жизнь длиной в несколько сотен лет могла бы в одночасье оборваться из-за одного лишь её глупого желания – подняться выше облаков.

Когда Адерин выписали, и она, пусть и на искусственных, но, что называется, всё же на своих собственных ногах вышла из больницы, ей исполнилось уже 348 лет. Наверное, именно тогда она и решилась на...

– Ты уже умылась? – спросила женщина. В ответ девочка кивнула и, не произнося ни слова, встала перед мамой. – Хорошо. Сейчас мы с тобой завтракаем, а после этого – занимаемся, – продолжила её мать.

Белокурая Бриин разговаривала мало. Если она и открывала рот, то слова произносила тихо – так, словно играла в угадайку.

– Повернись, – попросила её женщина. Девочка послушалась. – После обеда мы с тобой погуляем на балконе. Ты же помнишь правила, ведь так?

В ответ девочка вновь молча кивнула.

На самом деле Адерин хотела совсем не этого. Она мечтала о заливистом детском смехе, об очаровательном топоте маленьких ножек и о счастливых прогулках по парку. Но она не могла себе этого позволить. А всё потому, что...

Раздался звонок в дверь. Бриин резко повернулась к матери и выхватила у неё из рук расчёску.

– Ты знаешь, что делать, – стараясь быть как можно спокойнее, прошептала Адерин и кивнула в сторону спальни.

Девочка тут же исчезла.

«Так, я всё убрала?!» – хватилась женщина. Она быстро встала и, просканировав взглядом комнату, заметила альбом для рисования и пару карандашей, закатившихся под кресло. «Фух!» – мысли Адерин завибрировали от страха.

В дверь позвонили ещё раз.

- Это нехорошо, - еле слышно выдавила она из себя.

Женщина нагнулась, подобрала карандаши с альбомом и, открыв комод, спрятала их туда.

- Это всё?.. - спросила она у самой себя и ещё раз судорожно огляделась по сторонам.

Между тем дверной звонок прозвонил уже в шестой раз.

«Кто же это может быть?!» - Адерин, сама того не желая, запаниковала. В последний раз к ней приходили из домоуправления Light-26G - проверить трубы, но это было год назад, - и вот опять...

- Иду! - крикнула она.

Когда она приблизилась к входной двери, выражение её лица резко изменилось: от растерянности не осталось и следа, а на губах сияла добродушная улыбка. Именно так она приветствовала своих студентов перед тем, как начать читать очередную лекцию.

- Открываю!

Адерин нажала на кнопку видео-звонка. Загорелся экран. Увидев мужчину, стоявшего по ту сторону, женщина охнула.

- Прошу Вас, откройте! - донёлся голос из-за двери.

- Да-да, минутку, - сделав глубокий вдох, она вновь улыбнулась и нажала кнопку «Разблокировать».

Щёлкнул замок.

– Я слушаю Вас, – непринуждённым голосом обратилась она к непрошеному гостю.

– Инспектор Хопкин. Вот, – и мужчина протянул удостоверение.

Кто он такой, Адерин уже догадалась. Не впустить этого государственного служащего она не имела права. Если бы женщина не открыла ему дверь, то в самое ближайшее время ей бы уже предъявили решение суда, и тогда в её доме неминуемо провели бы обыск, – а это Адерин было нужно меньше всего.

– Разрешите войти?

– Прошу, – добродушным голосом она пригласила инспектора войти. – Чем обязана?

– Я бы не стал Вас беспокоить, профессор...

Адерин имела серьёзные научные достижения по дисциплине «Особенности маркетинга товаров пассивного спроса». Это давало ей право проводить лекции онлайн, чем она и занималась.

– Но Вы ведь уже побеспокоили. Так что я Вас слушаю... – отозвалась Адерин.

Вслед за инспектором в холл вошли ещё двое – мужчина и женщина. Их выправка и колючие глаза красноречиво свидетельствовали о том, что они были явно не гражданскими.

– А это ещё зачем? – настороженно спросила у инспектора хозяйка квартиры, указав взглядом на вошедших.

– В соответствии с законом «О вечности» ни мужчина, ни женщина не имеют права зачать, родить и клонировать человека, а точнее, ребёнка... – произнёс инспектор.

За Адерин Хопкин следил уже давно. На какое-то время она выпадала из его поля зрения, однако же повышенные расходы, которые за последний год увеличились на треть, могли говорить только о том, что она кого-то содержала.

Адерин жила одна – без животных – а продуктов покупала на двоих. И плюс к тому часто снимала наличные. Хопкину повезло: он отследил пару её расчётов – за пачку пластилина и кое-какую одежду для девочки.

– Сколько лет? – это каверзный вопрос всегда ставил нарушителей закона «О вечности» в тупик, и те начинали паниковать.

– Триста пятьдесят девять, – с гордостью произнесла Адерин и тут же добавила: – Но Вы выглядите моложе меня. Думаю, Вам не больше двухсот.

– Хм... – усмехнулся инспектор.

По сравнению со своими сослуживцами он, можно сказать, был ещё совсем мальчишкой. К примеру, если взять Рходри, который не по годам облысел, то ему исполнилось всего-то триста двадцать семь лет. А вот юной Несте – сколько раз она была замужем, уже никто не знал, – да, впрочем, это никого уже особо и не интересовало – в прошлом году исполнилось четыреста семьдесят шесть. Самым же старым на их участке был шеф Бели. Его волосы уже давно поседели, однако же лицом старик был молод. Так что никто не верил, что ему было уже пятьсот девяносто четыре года.

– Я интересуюсь не Вашим возрастом, а её, – уточнил Хопкин.

– Её? – вздёрнув брови, Адерин вопросительно посмотрела на инспектора.

– Пять? Семь?.. Хотя нет. Пожалуй, что лет девять. Верно? – поинтересовался он.

Определить возраст ребёнка, даже не видя его, не составляло труда, ведь, несмотря на то, что Адерин была вечной, после родов в её геноме был запущен процесс старения. Слегка вытянув шею, инспектор внимательно посмотрел на её морщинки.

– Вы обрекли себя на смерть. Зачем?! – в его голосе прозвучал не вопрос, а возмущение. – Зачем?!!

– Зачем?.. – растерянно повторила Адерин и повернула голову в сторону мужчины и женщины, которые по-прежнему стояли в холле.

– Вы же умрёте! Вы же обречены! А ведь Вы могли бы жить вечно – десятки тысяч лет, а может быть, даже больше! – воскликнул Хопкин.

Учёные долго бились над тем, чтобы сделать жизнь людей вечной. Это было заветной мечтой всего человечества. Ради этого люди даже покорили космос, но только слишком короткий срок их жизни не дал им возможности покинуть Солнечную систему. И всё же ученые сумели взломать код ДНК и отключить «рубильник» времени. Так что теперь человек мог жить сотни и тысячи лет, а может быть, даже и больше. С того момента, как был изобретён способ вечной жизни, прошло ещё не настолько много времени, поэтому пока что никто не знал о том, когда должна будет наступить его смерть.

– Я знаю, что Вы родили девочку, – произнёс инспектор Хопкин.

Услышав это, Адерин вздрогнула.

– Ваше тело начало стареть. Вы сами в этом виноваты, ведь возврата уже не будет. Иначе говоря, Вы умрёте, – продолжил он.

– А что Вы знаете о смерти? – усмехнувшись, тихо спросила женщина.

После того как она чудом выжила, пусть даже и лишившись ног, Адерин задумалась о том, что, по большому-то счёту, осталось от тех бедолаг, которых дроны упаковали в серебристые мешки. «Увы, ни-че-го», – в итоге сделала вывод она.

Женщина вспомнила детство – то, как она играла со своим младшим братом Наддом. Первое время он плакал, а когда чуть подрос, то начал драться... Адерин вспомнила свою мать – как она кормила Надда грудью, а он при этом давился, и то, как материнское молоко стекало у него по губам. Вспомнила, как младенец хныкал, а насытившись, начинал улыбаться... Это были её первые в жизни яркие воспоминания.

– О смерти я ничего не знаю, – наконец отозвался инспектор. Ничего – кроме того, что после неё наступают пустота и забвение. Вы свой выбор сделали: Вы незаконно родили девочку. Я прошу Вас отдать её нам, – Хопкин вытянул в сторону Адерин руку, словно бы требуя немедленно вручить ему дочь.

– Нет! – вскрикнув женщина – и тем самым себя выдала.

В то же мгновение две человекоподобных статуи, по-прежнему неподвижно стоявших в холле, ожили и быстро разбежались по квартире.

– Не трогайте её! – закричала Адерин и бросилась в спальню, но рука инспектора женщину опередила.

Хопкин со скоростью молнии выхватил из своего бокового кармана ошейник, и, прежде чем бедная Адерин успела что-либо понять, на её шее уже защёлкнулся замок. Бедная женщина хотела было закричать, но внезапно ощутила пронизывающую боль в горле. Из глаз матери хлынули слёзы, а её лицо исказило горе.

Адерин пожертвовала всей своей жизнью, чтобы родить собственного ребёнка. Конечно же, она прекрасно знала о том, что это было противозаконно, – и что после зачатия от её вечной жизни не останется ничего. Её тело, как и тела всех её предков, должно было начать стареть, по прошествии не такого уж долгого времени она должна была окончательно превратиться в старуху, а после этого – в одиночестве умереть.

– Прошу Вас! – простонала Адерин и, протянув руки в сторону спальни, постаралась сделать шаг.

– Вы, Адерин, нарушили все мыслимые и немыслимые законы вечности, – констатировал инспектор. – После неудачного восхождения на гору Вам спасли жизнь и восстановили Ваше здоровье. После этого перед Вами открылись новые перспективы. Так, Вы защитили диссертацию и получили профессорскую степень. Вам верили. А Вы...

– Она моя дочь, – дрожащим голосом произнесла женщина.

Как ни старался, Хопкин не мог понять психологию нарушителей. У него не укладывалось в голове, как это было возможно – обменять вечную жизнь на рождение ребёнка, – ведь пройдёт каких-нибудь полтора или два десятка лет, и ребёнок покинет свою мать, а она, оставшись одна и презираемая всеми, будет обречена на то, чтобы стареть и...

– Именем закона Вы арестованы, – сухо сказал инспектор, после чего в комнату вошёл полицейский. – Отведите её в машину.

– Я прошу Вас! – с мольбой простонала Адерин и в последний раз посмотрела на закрытую дверь, за которой находилась её дочь...

Вечность была отнюдь не капризом человечества, а методом его выживания. После того как был достигнут баланс в экономике, и люди вроде бы как стали жить лучше и порой даже испытывать счастье, наступил дисбаланс между рождаемостью и смертностью. Всё меньше и меньше семей хотели иметь потомство; в связи с этим нации начали стареть, а экономика стала переживать стремительное падение. И, если бы не гениальные умы учёных, которым удалось обнаружить «рубильник» в коде ДНК, всё бы могло закончиться весьма плачевно. Однако же вслед за вечностью, которую получили люди, последовал резкий скачок рождаемости, а это грозило ещё большими бедами, нежели чем даже вымирание. Таким образом и был принят закон, запрещающий людям рожать.

– Баланс должен быть сохранён, – произнёс Хопкин вслед удалявшейся в сопровождении полицейского Адерин, и, как только дверь за ней закрылась, инспектор вошёл в спальню.

Девочка смиренно сидела на кровати. Что с ней будет дальше, Хопкина совершенно не интересовало. Если ей передан ген вечности, её оставят в живых. А если же нет, то...

– Здравствуй, – сказал он.

На инспектора внимательно смотрели ярко-голубые глаза.

– Как тебя зовут? – спросил мужчина.

– Бриин. А Вас? – любопытно спросила девочка и прижала к груди плюшевую черепашку.

– Хопкин. Тебе нужно будет пойти с ней, – и инспектор посмотрел на женщину, которая стояла возле девочки.

– А мама? – спросила малышка.

– Мама...

Почему-то это слово вызывало у него раздражение. Может быть, потому, что Хопкин не помнил своей собственной матери. А может, потому, что он гонялся за подобными нарушителями уже никак не меньше пары сотен лет...

– Идите, – сухо приказал он, и женщина в штатском, автоматически взяв Бриин за руку, потянула девочку к двери.

Черепашка выпала из рук малышки. Она закричала и постаралась дотянуться до своей любимой игрушки.

– На, – Хопкин поднял черепашку и, протянув её Бриин, строго попросил: – И больше не кричи.

– Не буду, – прижимая к груди и целуя плюшевого зверька, испуганным голосом ответила девочка.

2. Резервация смертных

В этой квартире ему больше нечего было делать. Скоро должны были прийти уборщики – навести порядок, упаковать всё то, что было связано с ребёнком, и провести дезинфекцию, а напоследок – ещё и полить цветы.

Хопкин молча подошёл к открытому шкафу, и от увиденного его лицо исказилось. В шкафу лежали аккуратно разложенные детские вещи – краски, книжки и коробка с игрушками. Если беременность ещё как-то можно было скрыть – к примеру, отсиживаться в квартире, то растить ребёнка в четырёх стенах было очень трудно. Самым тяжёлым периодом был первый год. Если бы соседи слышали плач или крик малыша, то они обязательно сообщили бы об этом в инспекцию по контролю за рождаемостью.

Хопкин присел перед коробкой с игрушками и, порывшись в ней, достал деревянную лошадку. Не выпуская её из рук, он покинул квартиру и зашёл в лифт. Через пару минут инспектор уже сидел в своей машине, которая на автопилоте доставила его в участок.

– С удачной охотой! – как только он вошёл в кабинет, поздравила его Гвен.

Напарница Хопкина по какой-то причине скрывала свой возраст. Может быть, ей стукнуло триста, а может, уже и все четыреста. Хотя, глядя на неё, этого было совсем не сказать: на вид она была молодой и азартной. Многие мужчины обязательно нашли бы её сексапильной, но лично для Хопкина Гвен была занозой в одном месте.

– Спасибо, – пробурчал он в ответ и, открыв стальной сейф, положил лошадку на его полку.

Это был особый шкаф. Здесь хранились игрушки тех детей, которых ему удалось выследить, – солдатики, феи, матрёшки, погремушки, рыцари и многое-многое другое. Взгляд инспектора остановился на лошадке – точь-в-точь такой же, какую он принёс сегодня. Хопкин вспомнил, что ею в своё время играла Рхиэн. Тогда этой девочке как раз исполнилось четыре года, и её мать с мужем решили отпраздновать день рождения малышки. Обычно нарушителем являлась женщина; отец же при этом чаще всего мог даже понятия не иметь о том, что у него был ребёнок. Однако же в том случае виновными были признаны оба родителя и оба – отправлены в резервацию.

– Я поеду, – инспектор сказал это в большей степени самому себе, нежели чем своей напарнице.

– Мне с Вами? – отозвалась Гвен и вопросительно посмотрела на своего начальника.

– Не стоит. Я в резервацию. Нужно навестить одну старую знакомую.

Хопкин взял ту самую игрушку, которую положил в сейф ещё давным-давно. Закрыв его, он порылся в документах и, вспомнив имя и номер осуждённой, вышел из кабинета.

– А мне что, вечно, что ли, сидеть в кабинете?! – обиженно проговорила Гвен и, откинувшись на спинку кресла, принялась напевать песенки.

Путь до резервации был неблизким; туда ссылались не только женщины, незаконно родившие, но также и сами вечные, которые умудрялись нарушить законодательство. Это не являлось тюрьмой в прямом смысле слова, – хотя в резервации тоже существовали различные блоки для осуждённых; так, некоторые вечные сидели уже по двести и даже более лет в одиночных камерах. А вообще, это была открытая территория, но пересекать её границы строго запрещалось.

Ближе к вечеру Хопкин доехал до КПП. Робот-охранник просканировал его удостоверение, сверил код с личностью владельца и, убедившись в том, что перед ним действительно находился инспектор службы по контролю за рождаемостью, поднял шлагбаум.

– Проезжайте, – синтетическим голосом произнёс бот.

Можно сказать, это была идеальная тюрьма для провинившихся. В ней не было камер с решётками на окнах. Каждый осуждённый имел собственную комнату и занимался своей работой, за которую получал вознаграждение и имел право им распоряжаться. Он мог купить себе новую мебель, одежду и даже завести какое-нибудь животное. Но были, разумеется, и некоторые запреты: осуждённый, как было сказано, не имел права покинуть территорию резервации, а также – завести семью.

– Мне, пожалуйста, Лунет за номером OR 254 378V, – обратился инспектор к служащему в голубой форме.

– Прошу Вас следовать за мной, – отозвался тот.

– Просто скажите мне, где я могу её найти, – Хопкин не любил, когда его как стажёра водили за ручку.

– Я, конечно же, могу Вам сказать, но, боюсь, что Вы её не узнаете. Вы, – служитель взглянул на экран терминала, который держал в руке, – арестовали её тридцать пять лет назад. За это время смертный человек сильно изменился. Так что лучше уж я Вас всё-таки провожу.

– Хорошо, – согласился Хопкин и, стараясь не вертеть головой по сторонам, последовал за голубым комбинезоном.

Поселение, в которое он приехал, напоминало небольшую деревушку, состоявшую из одно- и двухэтажных ярко раскрашенных домиков с палисадниками и огородами. Хопкин даже заметил, как некая женщина набирала воду из колодца.

В этой местности определённо было что-то, похожее на кинохронику предков, – что-то такое, что умиляло своим спокойствием, – и в то же самое время пугало характером её обитателей. Хопкин остановился и посмотрел на сгорбленную старуху. От её колючего взгляда ему стало не по себе. Даже в животе у него как будто что-то заурчало.

– Не разговаривайте с ней, – посоветовал синий комбинезон. – Она не любит вечных. Впрочем, в этой части резервации их все не очень любят.

– Тут живут только смертные? – поинтересовался инспектор.

– Да. И только женщины. Их бывшие мужья уже отбыли срок заключения и отпущены на свободу, – объяснил служащий.

– Но ведь это же несправедливо, – тихим голосом возмутился Хопкин. – Они же вместе совершили подлог по рождаемости.

– Да, это так, но только мужчины остаются вечными, а вот их жёны после рождения детей начинают стареть, и это ужасно. Освобождённый человек мужского пола уже не сможет принести вреда, ведь его организм стерилизован, а значит – безопасен, – подвёл итог синий комбинезон. – Нам сюда.

Они вошли в небольшой дворик, представлявший собой обширную цветочную поляну, по которой проходила узкая тропинка, ведущая к дому. Вдоль палисадника росли кустарники, по веткам которых прыгали воробьи и шумно о чём-то спорили.

– Лунет, мы к тебе! – прокричал сопровождающий. – У неё проблемы со слухом, поэтому говорите громче.

Женщина, которая сидела под тентом, пошевелилась. Хопкин сразу же увидел, что кожа на её руках посерела и покрылась коричневатыми старческими пятнами. Тело Лунет выпрямилось. Опираясь на трость, она поднялась, сделала шаг вперёд и, выйдя из тени, посмотрела на того, кто к ней обратился.

– Лунет, это к тебе, – сказал комбинезон.

Не поворачивая головы, женщина покосилась в сторону инспектора. Её губы скривились в ухмылке, а из её груди, словно она была змеей, исторглось шипение.

– Я рад, что с Вами всё хорошо, и что Вы обрели достойное место под солнцем, – начал было Хопкин. – У вашей дочери Рхиэн была вот такая лошадка. Вы её узнаете?

– Погромче. Она почти совсем глухая, – напомнил служащий и, подойдя к женщине, указал рукой на лошадку. – Вы узнаете этот предмет?

– Я тебя помню... Это ты... Ты забрал её! Ты!.. – Лунет безвольно опустила руку и, отвернувшись от гостей, направилась в сторону домика.

– Где их изготавливают? – громко, чтобы его вопрос наверняка был услышан, спросил инспектор.

– Убирайся! – выкрикнула женщина.

– Она упёртая. Ну, сами видите... Кто-то сдался и смирился с потерей ребёнка и неизбежным старением, а кто-то, как она, всё ещё помнит о своём чаде, – произнёс служащий.

– Помнит? – переспросил инспектор. – Но ведь прошло уже столько лет, что пора бы уже и забыть.

– О нет! Это только вечный – такой же, как Вы и я – может забыть. А у смертного мозги функционируют совсем по-другому. Смертные более чувствительны, если так можно выразиться. Вы, конечно же, можете попробовать с ней поговорить, но, думаю, что она Вам больше ничего не скажет, – сообщил служащий.

Хопкин был вынужден согласиться с тем, что приехал сюда зря. Поэтому ему ничего не оставалось, как только вернуться обратно в город. Он прошёлся по узкой тропинке, на мгновение остановился и даже залюбовался красотой цветов, но, увидев, что сквозь изгородь на него смотрела другая смертная, инспектор поспешил подойти к ней.

– Вам это знакомо? – спросил он у женщины, которая, отвернувшись от него, быстрым шагом пошла прочь.

– Они знают о том, кто Вы, и не будут с Вами разговаривать. Вы или кто-то другой обнаружили их раньше, чем настало время легализации. Я с ними проработал долго, очень долго. Они хорошие. Добрые. Порой мне даже кажется, что они – более человечные, чем я, – вздохнув, проговорил служащий.

– С чего Вы это взяли? – спрятав лошадку в карман, живо поинтересовался Хопкин.

– Они не суетятся, – ответил голубой комбинезон. – Но не потому, что находятся в резервации. А потому, что у них просто другой ритм жизни. Порой я смотрю – и поражаюсь: их время утекает так быстро, а они тем не менее всё же находят возможность, к примеру, посидеть на берегу реки или, взяв в руки книгу, спокойно её почитать. Вот Вы когда в последний раз читали?

– Вчера, – отозвался инспектор.

– Нет, я не про электронную книгу. Я про бумажную. Про такую, чтобы пальцы перебирали страницы, а те бы в ответ шелестели. А?!. Вот то-то же. – Даже не взглянув на инспектора, служащий продолжил: – А вот они могут себе это позволить. Вы скажите мне вот что. Если их ребёнок достиг возраста лицензирования, – сейчас это восемь лет, – то его признают членом общества. Если его ген сохранил вечность, то он остаётся жить в городе. А если – ген смертного, то что Вы делаете с такими?

– Не знаю, – сухо ответил инспектор.

– Как это?! – возмутился служащий. – Но ведь Вы же сами их ловите – и не знаете, что с этими детьми?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/shorohov_vladimir/zakon-vechnosti

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)